

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОТДЕЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА
СОВЕТСКИЙ КОМИТЕТ ТЮРКОЛОГОВ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

TURCOLOGICA

*К семидесятилетию
академика
А. Н. КОНОНОВА*

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАД · 1976

В. А. Аврорин

ВОКАЛИЗМ И ЕГО ГАРМОНИЯ В МАНЬЧЖУРСКОМ ПИСЬМЕННОМ ЯЗЫКЕ

Описание вокализма маньчжурского языка подготовлено на основании изучения памятников различных жанров, изданных преимущественно ксилографически в XVII—XIX вв., свидетельств авторитетных специалистов — авторов опубликованных словарей и грамматик,¹ а также прекрасных знатоков маньчжурского языка П. И. Воробьева и Б. И. Панкратова, под руководством которых автору посчастливилось сорок лет тому назад сделать первые шаги в изучении этого языка.

В маньчжурской письменности имеется шесть букв для обозначения гласных звуков, но кардинальных фонем в языке на одну меньше. В переднем ряду — одна гласная фонема *и*, в смешанном ряду — две: *э*, *а*, в заднем ряду — также две: *у*, *о*. Гласная переднего ряда *и* имеет верхний подъем; в смешанном ряду *э* — среднего подъема, *а* — нижнего; в заднем ряду *у* — верхнего подъема, *о* — среднего. Состав гласных можно представить в виде такого треугольника.

<i>и</i>	<i>у</i>
	<i>э о</i>
	<i>а</i>

Шестая гласная буква, обозначаемая в европейской транслитерации то как *у* с надстрочным знаком, то как *о* с надстрочным знаком, представляет собой не более как чисто графический вариант буквы, обозначающей *у*. Вариант этот замещает основную букву в позиции после согласных *к*, *г*, *х* в словах с гласными *а*, *о*, иногда также *и*, *у*, но не *э*. В остальных случаях, которых значительное большинство, употребляется основной вариант.

Сравнение с родственными языками тунгусо-маньчжурской группы позволяет думать, что ранее кардинальных фонем было на две больше: в переднем ряду, кроме *и* верхнего подъема, была еще одна фонема *і* приподнято-среднего подъема, а в заднем ряду, кроме *у* верхнего подъема и *о* среднего подъема, была еще фонема *у̇* опущенно-верхнего или приподнято-среднего подъема.

Но к тому времени, которое отражено письменными памятниками, в маньчжурском языке от второй фонемы переднего ряда не осталось никаких следов, а от третьей фонемы заднего ряда остался след в виде указанного выше графического варианта.

Оппозиция огубленный/неогубленный для гласных не является релевантной. Огубленность — это сопутствующий признак всех гласных заднего ряда, и только этих гласных.

Кардинальные гласные отличаются нормальной длительностью и простотой структуры (артикуляционной однородностью). Кроме них система гласных фонем включает в себя одну гласную повышенной (как можно думать, удвоенной) длительности, это фонема *ō* (долгое *o*), обозначаемая на письме удвоенной соответствующей буквой.

Отмечен один случай употребления на письме удвоенной буквы *и* в слове *иш* 'его' (род. пад.). К этому можно добавить немалое число случаев сочетания двух *и* в формах род. пад. от слов, основы которых оканчиваются на *и*, например: *нами и* 'одежды из кожи', *кэли и* 'сваяка', *хоки и* 'сообщника', *бакси и* 'учителя', *туэри и* 'зимы', *варги и* 'запада'. Это, казалось бы, можно считать по аналогии с *ō* обозначением долгой фонемы *й*. Но против этого говорит то, что мы имеем дело с изолированными случаями, где вполне отчетлива морфологическая членимость на два *и*, из которых первое относится к основе, а второе является аффиксом род. пад. Слово же *иш* 'его' есть вариант (возможно, диалектный) нормативной формы *иши*. Скорее всего в данном случае мы имеем дело с удвоенным (двухвершинным) *и*, противостоящим обычному не как долгая фонема краткой, а как две рядом стоящие одинаковые фонемы — одной. Двухвершинность здесь создается присутствием йотообразного призвука в начале второго *и*.

Простым (однородным по артикуляции) гласным фонемам, которые были перечислены выше, противостоит несколько сложных. Это прежде всего дифтонги. Наиболее употребителен тип дифтонга со вторым *и*-образным компонентом: *аи*, *эи*, *ои*, *уи*. Например: *аи* 'что, какой', *гаису* 'возьми', *дарухай* 'часто, постоянно', *фаибихи* 'дождевой червь', *пэи* — междометие сожаления, *оилори* 'снаружи', *боихон* 'земля', *тоин* 'духовная особа', *уихэ* 'рог', *гуисэ* 'комод, сундук', *дуин* 'четыре'. Менее, но все же достаточно употребительны дифтонги с начальным *у*-образным компонентом: помимо уже отмеченного *уи*, это дифтонги *уа*, *уэ*. Для дифтонга *уи* транслитерация та же, а дифтонги *уа* и *уэ* в транслитерации выглядят как *ува*, *уве* и других обозначений не имеют. Примеры: *куа* 'светло-желтый', *жуан* 'десять', *жуэ* 'два', *хуэтхэ* 'нерпа'. Часто встречается также дифтонг *эу* (в транслитерации *эо*), например: *лэулэн* 'беседа', *гэудэн* 'обман', *илжэхэдэу* 'злой дух'. Много реже встречаются (почти исключительно в заимствованных словах)

дифтонги *oa*, *ao*, напр: *joan* 'плитка для растирания туши, красок', *фоаламби* 'поднимать подол платья', *x'oan* 'усталый', *чао сэмэ* (в транслитерации так же) 'без оглядки', *к'ао сэмэ* (в транслитерации *кижао*) 'ловко', *пао* (в транслитерации *поо*) 'пушка', *даохан* (в транслитерации *доохан*) 'мост'. Транслитерация дифтонга *ao* совпадает с орфоэпией только в очень немногих исконно маньчжурских словах образной семантики. В большинстве же случаев он встречается в заимствованных из китайского словах и обозначается двойным *o*, что порождает омограммы, читаемые как *ō* или как *ao*.

Фонемной самостоятельностью обладает также трифтонг *уаи* и, возможно, также *уэи*, например, в словах: *гуаидамби* (в транслитерации *гуаидамби*) 'облокачиваться', *хуаисэ* (в транслитерации *хуаисэ*) 'семена акации', *хуаитамби* (в транслитерации *хуаитамби*) 'привязывать', *јуэи* 'Кохинхина, то есть южная часть Вьетнама' (кажется, это единственный случай употребления такого трифтонга). Нельзя не отметить, что трифтонги присутствуют почти исключительно в заимствованных словах.

Таким образом, к пяти кардинальным (простым кратким) гласным фонемам следует добавить одну простую долгую фонему, девять дифтонгов и два трифтонга. Система гласных фонем маньчжурского письменного языка насчитывает всего семнадцать единиц: *и*, *э*, *а*, *о*, *у*, *ō*, *аи*, *эи*, *ои*, *уи*, *уа*, *уэ*, *оа*, *ао*, *эу*, *уаи*, *уэи*, причем фонематичность последнего трифтонга остается под сомнением.

Главной фонетической закономерностью маньчжурского языка является гармония гласных, представляющая собой их дистантную ассимиляцию в пределах слова. Эта закономерность сохраняет свое универсальное значение, несмотря на то что к началу письменного периода развития маньчжурского языка она под воздействием контактирующих языков уже подверглась некоторому разрушению. Условности орфографии еще более углубили этот процесс. Сыграла свою роль также все нарастающая традиция словосложения.

В связи с гармонией все кардинальные гласные (а вместе с ними и прочие) разделяются на подчиняющиеся этой закономерности, которые можно назвать альтернативными, и не подчиняющиеся ей, или нейтральные. Альтернативными являются гласные среднего и нижнего подъёмов — *а*, *э*, *о*, нейтральными — гласные верхнего подъёма — *и*, *у*.

Альтернативные гласные образуют следующие оппозиции: *а* противостоит *э*, *о*; *э* противостоит *а*, *о*;^{*} *о* противостоит *а*, *э*.

^{*} Сочетание в транслитерации гласных *эо* не нарушает строгости этой оппозиции, так как оно представляет собой условный прием обозначения на письме дифтонга *эу*, не имеющего иного обозначения.

Но отношения в оппозициях не вполне равны: одинаково противостоят друг другу $a \sim \varepsilon$, $\varepsilon \sim o$, оппозиция же $o \sim a$ обладает меньшей силой.

В своем исходном состоянии, которое можно предположительно восстановить с помощью внутренней реконструкции и сравнения с родственными языками, гармония гласных служила строгим регулятором вокализма внутри каждого отдельного слова. Слова же имели вокализм одной из трех серий: первой — a, i, y , второй — ε, u, y или третьей — o, i, y . В словах с вокализмом первой серии не могло быть гласных ни второй, ни третьей серий, в словах с вокализмом второй серии не могло быть гласных ни первой, ни третьей серий. В словах же с третьей серией вокализма положение более сложное. В них после o могли следовать гласные o, i, y (но не могли следовать a, ε, u, y), а после гласных i, y могли следовать или они же, или a (но не $'o!$). Следовательно, в словах первой и второй серий ассортимент кардинальных гласных фонем, как было сказано, ограничивался тремя, причем в каждом конкретном слове присутствовали не обязательно все, не обязательно только по одному и не обязательно в строгом порядке. Это правило распространялось на все слово от начала до конца и потому имело тотальный характер. В словах же третьей серии ассортимент кардинальных гласных несколько шире: в них с учетом сказанного выше относительно количества и порядка следования фонем возможен был такой ассортимент гласных фонем: $o, o. ., i (y). ., a, i, y$. В этом случае гармония имеет уже не тотальный, а ступенчатый характер. Все зависит от предшествующей гласной: если это o , то после него может идти то же самое o или же i, y , а за i или y гласная o следовать уже не может, она должна заменяться гласной a , и весь последующий вокализм перестраивается на первую серию. В этом и проявляется отмеченная выше слабость оппозиции $o \sim a$ (если a исключает возможность следования за ней o , то o не исключает возможности следования за ней a).

Изложенное правило неукоснительно действовало как внутри корня, так и внутри целого слова, т. е. корня + тот или иной набор аффиксов. Корни по своему вокализму стабильны. Иное дело — аффиксы. По вокализму они делятся на два типа: к первому типу относятся содержащие гласные выше среднего подъема (u, y, i, y); их можно назвать аффиксами с верхним вокализмом; ко второму типу относятся содержащие гласные среднего и нижнего подъема ($a \sim \varepsilon \sim o$); их можно назвать аффиксами с нижним вокализмом. Следуя за корнем или друг за другом, аффиксы ассимилятивно адаптируют свои гласные предшествующим им в пределах того же слова гласным.

Произошедшая в более поздний период (к моменту зарождения письменности) интеграция двух гласных в один, как в переднем, так и в заднем ряду ($u \sim i > u; y \sim y > y$), несколько видоизменила систему вокализма и присущую ей гармонию. Гласные выше

среднего подъема перешли в нейтральную позицию по отношению к гармонии гласных, тогда как гласные среднего и нижнего подъемов сохранили свой альтернативный характер. В результате этого вокализм аффиксов первого типа стал неизменным, не подверженным чередованиям, не зависящим от предшествующих гласных, а вокализм аффиксов второго типа сохранил обязательное чередование гласных $a \sim \varepsilon \sim o$, благодаря чему каждый такой аффикс имеет по три фонетических варианта. К аффиксам первого типа относятся, напр.: *-и* ~ *-ни* — род. пад., *-мби* — наст.-буд. время изъявит. накл., *-фи* — деепричастие разновремен., *-бу* — побудит.-страд. залог, *-ну* — совмещен. залог. Все они в равной мере приложимы к любой основе слова, независимо от серии ее вокализма, например: *арафи* 'сделав, написав', *гэ-нэфи* 'отправившись', *соугофи* 'заплакав, поплакав'; *арабумби* 'заставить сделать, написать', *гэнэбумби* 'заставить отправиться, отправить', *соугобумби* 'заставить плакать, довести до слез'. К аффиксам второго типа относятся, например: *-са/-сэ/-со* — мн. ч., *-ха/-хэ/-хо* — прош. время причастия, *-нэа/-нээ/-нэо* — вид постоянства. Выбор одного из трех вариантов этих и подобных им аффиксов определяется предшествующим вокализмом слова, что видно из следующих примеров: *араха* 'сделал, написал', *гэнэхэ* 'отправился', *соугохо* 'плакал, поплакал'. Перестройка вокализма после нейтральной гласной в слове с корнем третьей серии может быть иллюстрирована таким примером: *соугобуха* 'заставил плакать, довел до слез' (ср. *соугохо* 'плакал, поплакал').

Сложнее обстоит дело с вокализмом аффиксов второго типа в словах, корни которых содержат только нейтральные гласные. У одних таких слов аффиксы имеют гласные первой серии (*a*), а у других — гласные второй серии (*э*), напр.: *илиха* 'встал', *исиха* 'достиг', *иэиха* 'причесал', *унуха* 'взвалил на спину', *сучуха* 'напал', *икуха* 'сморщился', *фулибуха* 'пустил ростки', но *иркихэ* 'раздразнил', *исихихэ* 'отряхнул', *укухэ* 'окружил', *чубухэ* 'оказался стесненным', *уэгихэ* 'послал', *уфихэ* 'сшил'. Язык письменного периода не дает никаких указаний для выбора одного из двух вариантов аффикса. Это отголосок далекой истории, о чем убедительно свидетельствует сравнение с таким близко родственным языком, как нанайский, в котором гармония гласных имеет строго регулярный, классический вид. Совершенно очевидно, что в дописьменный период первые семь из приведенных выше слов содержали исчезнувшие позднее гласные *i*, *y*, относившиеся к первой серии, а последние шесть и ранее содержали гласные *и*, *у*, относившиеся ко второй серии.

Таким образом, предпочтительными (сказать обязательными здесь мешает большое число исключений) в письменном маньчжурском языке и обязательными в его дописьменном состоянии, если не учитывать различия между *i*, *y* и *и*, *у*, можно считать следующие цепочки гласных в пределах слова: *a . . . a . . . u(y) . . . a* (I серия), *э . . . э . . . и(y) . . . э* (II серия), *о . . . о . . . и(y) . . . а* (III

серия), *и . . и(у) . . а* (I серия), *и . . и(у) . . э* (II серия), *у . . и(у) . . а* (I серия), *у . . и(у) . . э* (II серия).

В письменном языке накопилось большое число разного происхождения нарушений правила гармонии гласных. Позволительно говорить об этом правиле, как о продолжающей еще сохраняться наиболее регулярной общей норме, постепенно размываемой все нарастающим потоком исключений. Часть из них, возможно, представляет собой продукты орфографической нормализации. В связи с этим можно упомянуть инвариантное написание ряда аффиксов и частиц, напр.: *дэ* — дат. пад., *бэ* — вин. пад., *-мэ* — одновременное дееприч., *-үгэ* — субстантивация, *-аку*, *-раку* — глаг. отрицание, *-сака*, *-мэл'ан* — словообразование прилагательных, *-о* — вопросит. частица и др. Среди иных исключений можно упомянуть непоследовательное написание аффикса причастия настоящего-будущего времени *-ра / -рэ* в словах первой серии, слитное написание сложных слов с компонентами разных серий типа: *аибидэ* 'где' (*аи + бидэ*), *аисэрэүгэ* 'что ты говоришь?' (*аи + сэрэүгэ*), *инэүгидари* 'ежедневно' (*инэүги + дари*), *голдэрэ* 'стеллаж для вещей' (*голмин + дэрэ*), *агэ* 'старший брат' (*а + гэ*), *саимэүгэ* 'твердая и сладкая конфета' (*саин + мэүгэ*), приближенное к оригиналу написание заимствованных китайских и санскритских слов, таких как *босэ* 'сверток', *саусэ* 'небольшой крендель', *масэ* 'рябины на лице', *жэуэүгэ* 'отдел', *лудон* 'плетеный закрот', *Эсрува* — одно из названий Будды, *жога* 'святой, подвижник', *доктама* 'размышление'.

Встречаются орфографические дублиеты, из которых один с выдержанной гармонией гласных, другой с нарушенной, например: *аҗиган* ~ *аҗигэн* 'малютка, дитя', *ара* ~ *арэ* — междометие боли и испуга, *зимтэ* ~ *зима* — название одного из диких знаков, *эн'эн* ~ *эн'ан* 'самка лося', *эхэл'эүгү* ~ *эхэл'аңүгү* 'глупый, слабомысленный', *эф'эн* ~ *эф'ан* 'игра, забава, игрушка', *эрулэмби* ~ *эромби* 'мучить, пытать', *идурэмби* ~ *идурамби* 'дежурить, караулить по очереди', *кэңкэшэмби* ~ *кэншамби* 'выпрашивать милостыню', *гэри-лэмби* ~ *гэриламби* 'мерцать, сверкать' и мн. др.

В большом числе случаев нарушения гармонии гласных не находят удовлетворительного объяснения. Приведу в пример лишь немногие из них: *аихумэ* 'ларец из кожи' (ср. *аихума* 'черепаха'), *ибашэн мукэ* 'талая вода' (ср. *нимашан мукэ* — то же), *окэ* 'тетя, жена младшего брата отца' (ср. нан., ороч. *эүкэ*), *обг'а* 'ловушка на орлов', *јонамби* 'покрываться язвами', *н'охэ* 'волк, волчья шкура', *норан* 'куча хвороста, костер', *бэкто* 'слепень', *сэлабун* 'радость, веселье', *томэ* 'каждый, всякий', *дадэн* 'недостаток, увечье' (ср. *дадан* 'калека, увечный'), *фосок'амби* 'горячиться, вспыхивать' и мн. др.

Не исключено, что неожиданное появление *a* после *o* или *э* после *a* может быть поставлено в связь с действующей в эвенкийском языке закономерностью соотношения долгих и нормальных гласных, согласно которой после долгого *o* (*ō*) следует *a* (*o* следовать не может), а после долгого *a* (*ā*) следует или *э*, или *ā* (*a* следовать не может). Возможно, что и в маньчжурском языке *o*, предшествующее *a*, и *a*, предшествующее *э*, тоже некогда были долгими. Если это так, то вслед за тем возникает вопрос — имеем ли мы дело с генетически общим явлением или же с результатом контактного влияния. Этот вопрос остается пока открытым.

Гармония гласных в маньчжурском, как и в других обладающих ею языках, представляет собой важнейшее средство фонетического цементирования слова, особого рода «пограничный сигнал», позволяющий ощутить единство целого слова и отграничить его от других слов в потоке речи. С анатомо-физиологической стороны это система трех чередующихся настроек органов речи: широкого неогубленного, узкого неогубленного и широкого огубленного. Настройка происходит перед произнесением слова и сохраняется или на всем его протяжении (в словах первых двух серий) или изменяется внутри слова при первой же нейтральной гласной (в словах третьей серии).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Захаров И. И. 1) Полный маньчжурско-русский словарь. СПб., 1875; 2) Грамматика маньчжурского языка. СПб., 1879; P. G. von Möllendorff. A Manchu grammar. Shanghai, 1892; Hauer E. Handwörterbuch der Mandschusprache. Wiesbaden, 1952—1955; Haenisch E. Mandschu-Grammatik mit Lesestücken und 23 Texttafeln. Leipzig, 1961.